

БРЕМЯ ДИЛЕТАНТОВ

ВДОМЕ культуры НКВД было пусто и холодно. Ледяной ветер с Амура проникал во все щели нескладного конструктивистского здания, задувал в выбитые окна. Горстка людей, съжившихся в креслах огромного зала, с тоской смотрела на сцену.

Жутко.

Корифеи современной русской литературы любят давать общие определения принципам существования наших граждан. Ну, например, «авось». Это — на века. А вот и новый — «апофигей». Стиль жизни, рожденный социальной системой. (Не совсем, конечно, по Кабакову, но всеобщий, основанный на принципе «все по фигу».)

Этим принципом руководствуются почти все в Хабаровском театре. И не надо быть критиком или мало-мальски просвещенным театралом, чтобы увидеть, что служителям Мельпомены глубоко безразлично все, что приходится делать в силу профессии.

Театр может быть плохим, даже никуда не годным. Им может заправлять бездарный человек. В нем может быть не поставлено ни одного пристойного спектакля. И все же он в состоянии быть живым, пока в нем остаются актеры, которым стыдно играть в таких спектаклях. Основа основ сценического

Страшно, а ж жуть

искусства, его душа и его плоть — актер. Бывает так, что, кажется, уже все, театра нет. Но проходит год-два, меняется, скажем, главный или просто на постановку приходит талантливейший человек — и труппу не узнать. Заинтересованность, вдохновение, потому что прозябающая душа театра оставалась живой в ожидании своего часа.

Жива ли душа Хабаровского театра? «Иван Чонкин». Унылая череда анекдотов. Только их и увидел в пьесе В. Войновича автор инсценировки. Постановщик же стремится одновременно создать некое лубочное действо и сохранить академическую сухость некоторых мизансцен. Словно, плохо играя с сюжетом, хочет продемонстрировать преимущества всемогущего и единственно верного учения Станиславского. Неряшливые декорации. Отсутствие и намека на световое и музыкальное решение.

«Цилиндр» Э. Де Филиппо. По кассовым соображениям переименован в «Мой муж — покойник». Немыслимые нагромождения на сцене. А сверхзадача, видимо, та же, что и в «Чонкине», — во что бы то ни стало насмешить зрителей. Зрители, и правда, смеются. Но не над пьесой, а над декорациями.

Кстати, о режиссуре. Буквально поражает сходство мизансцен в трех (плюс еще «Мурлин Мурло» Н. Коляды) спектаклях, поставленных разными людьми. Актеры появляются из люка, задерживаются у рамп и затем поднимаются на второй ярус декораций. И так раз за разом, независимо от драматургии. Магия, что ли, какая черная?

И все же что-то в этом театре остается. То ворзается щемящей нотой в уже опостылевшую черную «Мурлин Мурло». То вдруг актеры, словно просну-

шись, вырвавшись за границы замкнутого круга «цена — зарплата — политика», заговорят высоким и певучим языком христианских пророков и мучеников в хорошо задуманном, скрупулезно проработанном на этапе подготовки, но плохо завершенном спектакле «Мария Магдалина» М. Метерлинка.

Да, остается что-то. И вроде душа театра еще жива. Но еще шаг — и роковая черта будет пройдена. Говоришь, общаешься, — кажется, все все понимают. Актеры — что халтурят. Ну а как иначе, если режиссеры такие? Художественный руководитель Мирослав Кацель — что театр на последнем дыхании. И он переживает, и пытается что-то сделать, изменить репертуар, найти на стороне талантливого режиссера. Но как быть, если, по признанию самого Кацеля, он — не борец? Что же делать, если на постоянную работу в такую даль режиссеры не едут, поскольку театр не может обеспечить их никаким жильем? Не едут и на временную. Деньги не те. И вот уже появляются в глазах актеров равнодушие, скука... Плохо? Халтура? Ну и фиг с ним.

А при чем же здесь дилетанты? — спросит кто-нибудь. А при том, что это именно они несут с собой принцип «все по фигу». Все! Народ, страну, искусство. Они приходят и действуют. А после них — хоть потоп. Непрофессионализм обладает уникальной заразностью. Зерно непрофессионализма, брошенное походя, довольно скоро дает обильные всходы даже в умах мастеров. А пройдет время — сам черт не разберет, кто — профессионал, а кто — нет.

Ведь появишься в Хабаровском театре настоящий режиссер, профессионал, глядишь, и вспыхнула бы догорающая искра вдохновения.

А пока гуляет по пустому залу бывшего клуба НКВД холодный амурский ветер. Гулким эхом отдаются в верхних ярусах скучные голоса со сцены. Темно. Жутко.

Сергей БЕДНОВ.